

М. А. ГИРЕНКО

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

СКАНДИНАВСКИЕ МУЛЬТИЭТНОЛЕКТЫ КАК ОСОБЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОДЫ

Ключевые слова: мультиэтнолект, иммигрантский шведский, молодежный язык.

Статья посвящена мультиэтнолектам — особым языковым кодам, которые с конца 80-х гг. XX в. используются в речи молодежи различного этнического происхождения в пригородах крупных скандинавских городов. В статье кратко изложена история возникновения этого явления, представляющего большой интерес для социалингвистики, и дается обзор исследований скандинавских специалистов, а также представлены основные особенности шведских мультиэтнолектов.

MARIA GIRENKO

Lomonosov Moscow State University

SCANDINAVIAN MULTIETHNOLECTS AS SPECIFIC LANGUAGE VARIETIES

Keywords: multiethnolect, immigrant Swedish, adolescents' language.

Multiethnolects are specific varieties, which since 1980's have been used by adolescents in Scandinavian multi-ethnic suburbs. The article gives a general overview of this phenomenon, its origins and previous investigations, and discusses the main linguistic features of Swedish multiethnolects.

Во второй половине XX в. началась активная трудовая и политическая иммиграция в Скандинавию из развивающихся стран. К концу первого десятилетия XXI в. доля выходцев из других

стран, включая детей, родившихся в Скандинавии в семьях иммигрантов, составляет примерно 11% от общего населения Дании и Норвегии и 17% от общего населения Швеции, по данным переписей 2009 и 2010 гг. Большая часть иммигрантов, прежде всего, политических беженцев, селилась в новых, специально построенных пригородах крупных городов. В 80-е гг. прошлого века в таких пригородах было зафиксировано развитие специфических иммигрантских языковых кодов, которые по сей день используются в качестве средства коммуникации молодежью различного этнического происхождения.

Статус таких языковых образований с конца 80-х гг. XX в. широко обсуждается скандинавскими исследователями, которые применяют разные подходы и методы для их изучения. Сложность при описании и определении статуса языка проживающей в мультиэтнических пригородах молодежи обусловлена, по меньшей мере, тремя факторами:

- 1) *происхождение* — описываемые языковые коды сложились в результате контактов шведского языка с языками иммигрантов, что напоминает о происхождении языков-пиджинов;
- 2) *территориальная ограниченность* — область распространения данных языковых разновидностей достаточно четко определена, что сближает их с диалектами;
- 3) *функционирование* — сложившиеся в иммигрантской среде языковые коды, подобно сленгу, используются преимущественно мультиэтнической молодежью в рамках внутригрупповой коммуникации, причем, как правило, не в качестве единственного доступного средства общения.

За два с небольшим десятилетия существования рассматриваемого феномена в Скандинавских странах ему было посвящено много работ по социолингвистике. Впервые комплексное исследование одного из мультиэтнических молодежных языковых кодов, получившего название *rinkebysvenska* (по названию расположенного на окраине Стокгольма района Ринкебю, в котором проживают иммигранты разного этнического происхождения), было проведено профессором Стокгольмского университета Уллой-Бритт Котсиной в конце 1980-х гг. [Kotsinas, 1988. S. 264–278].

Несмотря на то, что иммигрантские языковые коды сформировались в ситуации вынужденных контактов между несколькими языками (шведским, турецким, арабским, сербским и др.), У.-Б. Котсинас не рассматривает *rinkebysvenska* в качестве аналога языков-пиджинов, подчеркивая, что последние возникали, как правило, в колониальных условиях и сопровождались гораздо большей трансформацией грамматических и фонологических систем языков европейских колонизаторов. Она предлагает рассматривать *rinkebysvenska* в качестве нового диалекта шведского языка, исходя из принципов территориальной ограниченности и противопоставленности литературному языку.

В то же время очевидно, что в силу особенностей происхождения, а также функционирования в рамках довольно замкнутых социальных групп, *rinkebysvenska* не вполне вписывается в систему развивавшихся естественным путем местных диалектов шведского языка. Поэтому впоследствии некоторые исследователи, отмечая более низкий социально-экономический уровень жизни и недостаточную степень ассимиляции населения района Ринкебю, определяли данный языковой код как социальный диалект, или социолект [Helgason, 2012].

Вопреки распространенному мнению о том, что иммигрантские коды — это речь с иностранным акцентом, У.-Б. Котсинас уже в 1988 г. заметила, что иммигрантский шведский имеет набор устойчивых лингвистических характеристик и не является прямым результатом недостаточного владения шведским языком, как считают многие его носители. Материалом для ее исследования послужили аудиозаписи речи подростков разного этнического происхождения. Проанализировав их, У.-Б. Котсинас обнаружила ряд фонетических, грамматических и лексических особенностей, присутствующих в речи всех подростков, независимо от их этнической принадлежности. Данное открытие положило конец традиции изучения речи иммигрантов с точки зрения психолингвистики с опорой на степень освоения ими скандинавского языка как иностранного (что было характерно для первого поколения иммигрантов) и знаменовало утверждение *вариативного подхода* к рассматриваемому социолингвистическому явлению. Вариативный подход признал мультиэтнический языковой код одним из вариантов шведского языка.

Социолингвистические исследования, начатые У.-Б. Котсинас, были продолжены скандинавскими специалистами лишь на рубеже XX и XXI вв., когда было отмечено активное развитие подобных явлений и в других городах Швеции, прежде всего в Мальмё и Гётеборге, а также в пригородах Копенгагена и Осло.

В начале 2000-х гг. датская исследовательница Пиа Квист предложила новый термин *мультиэтнOLEKT* для обозначения молодежного иммигрантского языкового кода в Копенгагене, а впоследствии и всех подобных образований в Скандинавии [Quist, 2008. Рр. 43–61]. Тем самым П. Квист подчеркнула сложность и неоднородность данного феномена, а также отметила важность вариативного подхода, изучающего мультиэтнOLEKTY наряду с другими языковыми вариантами (на что указывает компонент *-лект*). Позднее некоторые скандинавские социолингвисты предлагали отказаться от этого термина, утверждая, что он представляет описываемое явление как статический набор отношений между различными языковыми признаками, в то время как молодежь, проживающая в пригородах, не представляет собой однородную социально-экономическую группу и в разной степени использует в своей речи те или иные маркеры мультиэтнического молодежного языка [Fraurud, 2004. S. 389–419].

Однако несмотря на критические замечания, термин *мультиэтнOLEKT* является удобным в силу своей компактности и смысловой емкости, а вариативный подход представляется необходимым для лингвистического исследования речи жителей мультиэтнических пригородов, поскольку он позволяет выявить новые тенденции в развитии современных скандинавских языков. Формальным описанием языковых особенностей мультиэтнOLEKTOB занимались такие скандинавские социолингвисты, как Н. Гануза (особенности синтаксиса шведских мультиэтнOLEKTOB), П. Буден и Г. Ф. Хансен (фонетические характеристики шведских и датских мультиэтнOLEKTOB), Т. Опсаль и И. Нистов (структурно-грамматическое описание мультиэтнOLEKTOB в Осло), а также некоторые другие.

Респондентами в проведенных исследованиях были учащиеся старших классов школ, расположенных в мультиэтнических пригородах крупных городов; при этом проводился анализ как устного (интервью, записи групповых обсуждений), так и письменного

(сочинения, анкеты, тесты на владение конкретным скандинавским языком) материала. Для обработки материала, как правило, использовался количественный метод — проводились статистические подсчеты прецедентов употребления той или иной языковой единицы (фонемы, лексемы, грамматической конструкции), на основании которых делались выводы о частотности употребления данной единицы и, следовательно, ее принадлежности мультиэтномулекту, а не индивидуальным особенностям речи информанта.

В результате анализа обширного эмпирического материала социолингвисты обратили внимание на то, что большинство носителей мультиэтномлектов могут свободно *переключать коды* [Löwgren, 2009], т. е. переходить на литературный стандарт в официальных коммуникативных ситуациях. Этот факт приводит некоторых исследователей к выводу о том, что описываемый феномен может быть поставлен в один ряд с молодежным сленгом, который используется как средство внутригрупповой коммуникации [Skowronska, 2006]. Данное наблюдение повлекло за собой целый ряд работ (С. Haglund “Transnational identifications among Adolescents in Suburban Sweden”, F. Arsæther “The Use of Multiethnic Youth Language in Oslo”, E. Bijvoet & K. Fraurud “Rinkeby Swedish in the Mind of the Beholder” и др.), опирающихся уже не на вариативный подход, а на подход, который П. Квист определяет как стилистический, или функциональный.

Стилистический подход позволяет рассматривать мультиэтномлекты как средство выражения социальных смыслов и формирования самоидентификации индивида. При таком подходе используются, в первую очередь, этнографические методы и приемы анализа разговора (conversational analysis). Примером функционального исследования мультиэтномлекта может служить эксперимент, поставленный рядом датских социолингвистов во главе с П. Квист в одной из школ Копенгагена (Metropolitanskolen в районе Nørrebro) [Quist, 2008. P. 52]. В качестве респондентов ею были отобраны 54 учащихся старших классов, в числе которых были не только подростки из семей иммигрантов, но и датчане-монолингвы, живущие в том же мультиэтническом районе. Над поведением подростков на территории школы было установлено временное наблюдение: регулярно проводилась аудио- и видеозапись их

общения между собой. В процессе обработки полученных данных исследователи разделили респондентов на семь «стилевых кластеров» (style clusters) на основании таких параметров, как пол, модель поведения в группе (лидер, изгой и др.), внешний вид, школьная успеваемость и даже музыкальные предпочтения. Проанализировав речевое поведение представителей всех семи кластеров, ученые пришли к выводу, что использование мультиэтнOLEKTA тесно связано не столько с этническим происхождением подростков, сколько с моделью их социального поведения. Так, было установлено, что признаки мультиэтнOLEKTA характерны для речи некоторых групп этнических датчан, но никогда не встречаются в речи некоторых групп подростков иного этнического происхождения: прежде всего, имеющих высокую академическую успеваемость. Это позволило П. Квист сделать следующие выводы:

- мультиэтнOLEKTA используется некоторыми (но не всеми) группами подростков иммигрантского происхождения для того, чтобы противопоставить себя окружающим и выразить свою принадлежность к меньшинству;
- мультиэтнOLEKTA, вопреки стереотипам большинства населения, используется некоторыми группами молодежи из числа этнических шведов/датчан/норвежцев, проживающих в пригородах с мультиэтническим населением, для выражения групповой солидарности при общении со сверстниками.

Исследования речи молодежи, проживающей в мультиэтнических городских районах, продолжаются; при этом подходы к материалу и методы исследования варьируются и нередко сочетаются, чтобы представить наиболее полную картину языковой ситуации в крупных скандинавских городах.

Рассмотрев историю и методы изучения языка молодежи из мультиэтнических районов скандинавских городов, перейдем от общего к частному и более детально рассмотрим особенности этого явления в Швеции.

В настоящее время шведские исследователи выделяют три крупных мультиэтнOLEKTA: *rinkebysvenska* в пригородах Стокгольма, *gårdstenska* в пригородах Гётеборга (по названию района Гордстена) и *rosengårdska* в пригородах Мальмё (по названию района Русенгорд). Все три разновидности отражают региональные

особенности шведского языка, но, как отмечает П. Буден [Boden, 2011], между ними существует больше сходств, чем между региональными вариантами Стокгольма, Гётеборга и Мальмё. Вероятно, это объясняется общими особенностями функционирования мультиэтнOLEKTOB и схожестью этнического состава проживающих в пригородах иммигрантов.

Рассмотрим некоторые языковые особенности, выделенные сторонниками вариативного подхода при исследовании речи молодежи, проживающей в этнически неоднородных районах.

В области *просодики* и *фонетики* мультиэтнOLEKTOB характеризуются особой ритмикой речи (которую часто сравнивают со стаккато), а также наличием не свойственных шведской фонетической системе звуков [ʃ] и [χ], напоминающих звуки арабского языка [Boden, 2011. P. 43].

В области *морфологии* наиболее заметной отличительной чертой является систематическое употребление существительных среднего рода с согласовательным показателем общего рода, например, en jobb вместо ett jobb, en flygplan вместо ett flygplan, ingen fel [Kotsinas, 2005. S. 236].

Особое внимание исследователи, начиная с У.-Б. Котсинас, уделяли особенностям *лексического состава* мультиэтнOLEKTOB. Очевидно, что в них имеется большое количество слов иноязычного происхождения, заимствованных из арабского, турецкого, испанского, сербского и некоторых других языков. Поскольку заимствованная лексика используется современной молодежью мультиэтнических пригородов в качестве сленга, непонятного для большинства шведов, легко предугадать тематику заимствований. Это отношения между полами, экспрессивная, пейоративная и обценная лексика, обозначение наркотических веществ и криминальных действий. Приведем несколько примеров: *араб.* keff 'плохой, тупой', *тур.* guss/guzz *пренебр.* 'девушка', *серб.* para 'деньги', *тур.* len 'приятель', *тур.* gitta 'удирать'. Примечательно, что слова guss и keff в 2006 г. официально вошли в «Шведский академический словарь» (Svenska Akademiens Ordlista) и, таким образом, закрепились в шведском языке.

Интересное исследование *синтаксических особенностей* мультиэтнOLEKTOB провела Н. Гануза [Ganuza, 2008]. Изучая речь моло-

дежи в пригородах Стокгольма, Гётеборга и Мальмё, она заметила, что отсутствие инверсии в речи мультиэтнической молодежи встречается всего в 3,5 % случаев на письме и в среднем в 10 % случаев в устной речи. Характерно, что наличие или отсутствие инверсии зависит в значительной степени от выбора собеседника: так, в общении со взрослыми используется преимущественно правильный порядок слов, а в общении между подростками нарушение порядка слов было зафиксировано в 19,6 % случаев. Кроме экстралингвистических, на порядок слов в речи иммигрантской молодежи влияют и контекстуальные факторы: отсутствие инверсии наблюдается чаще всего после темпоральных наречий *sen* (от *sedan*) 'потом' и *då* 'тогда, затем', реже — после других темпоральных обстоятельств: *härömdan jag glömde pinkoden* «на днях я забыл пинкод»; *en gång jag tappade texten* «однажды я забыл текст», *och sen hon ba smajlade* «и потом она только улыбнулась». Интересны выводы исследователя о демографическом факторе: нарушение порядка слов характерно в большей степени для мультиэтнической молодежи Стокгольма, причем чаще для речи мальчиков, чем девочек. Также ею были зафиксированы случаи необоснованного нарушения порядка слов этническими шведами, которые учатся в классах с высоким процентом учащихся-иммигрантов, например: *och sedan jag gick* вместо *och sedan jag gick* «и потом я ушел».

Скандинавские и, в частности, шведские мультиэтнолекты — это относительно новое и по-прежнему актуальное для социолингвистических исследований явление, часто вызывающее разногласия среди социолингвистов по поводу его статуса и приоритетности применимых к нему подходов. Как и молодежный язык в целом, мультиэтнолекты постоянно изменяются, однако особенность их состоит еще и в том, что их статус и степень распространения зависят от социально-политической ситуации: миграционной политики государства, реформирования системы школьного образования и других факторов, влияющих на степень интеграции мультиэтнического населения в шведском обществе. В дальнейшем было бы интересно проследить, как проявляются языковые особенности мультиэтнолектов в языке современных СМИ и в виртуальном общении молодежи мультикультурной Швеции XXI в.

ЛИТЕРАТУРА

- Boden P. *Adolescents' pronunciation in multilingual Malmö, Gothenburg and Stockholm* // *Young Urban Swedish. Variation and change in multilingual settings*. Gothenburg, 2011. Pp. 35–48.
- Fraurud K., Bijvoet E. *Multiethniskt ungdomsspråk och andra varieteter av svenska i flerspråkiga miljöer* // *Svenska som andraspråk: i forskning, undervisning och samhälle* / red. Kenneth Hyltenstam and Inger Lindberg. 2004. S. 389–419.
- Ganuza N. *Syntactic Variation in the Swedish of Adolescents in Multilingual Urban Settings*. Stockholm: Centre for Research on Bilingualism, Stockholm University, 2008. X, 192 p.
- Helgason F. Þ. *Ey dela me daj: en studie av invandrarsvenskan i verkligheten och litteraturen*. Reykjavík, 2012.
- Kotsinas U.-B. *Invandrarsvenska*. Uppsala: Hallgren & Fallgren, 2005. 264 s.
- Kotsinas U.-B. *Rinkebysvenska — en dialekt?* // *Svenskans beskrivning*. 1988. № 16. S. 264–278.
- Löwgren J. *Kodväxling och multiethniskt ungdomsspråk — form och funktion*. Göteborg, 2009.
- Quist P. *Sociolinguistic approaches to multiethnolect: Language variety and stylistic practice*. *International Journal of Bilingualism*. 2008. № 1, 2. Pp. 43–61.
- Skowronska M. *Khemiriskans knasiga kreativitet — en kartläggning av Jonas Hassen Khemiris artificiella språk i boken 'Montecore — En unik tiger'*. Stockholm, 2006.

REFERENCES

- Boden P. *Adolescents' pronunciation in multilingual Malmö, Gothenburg and Stockholm*. *Young Urban Swedish. Variation and change in multilingual settings*. Gothenburg, 2011, pp. 35–48.
- Fraurud K., Bijvoet E. *Multiethniskt ungdomsspråk och andra varieteter av svenska i flerspråkiga miljöer* [Multiethnic youth language and other varieties of Swedish in multilingual environments]. *Svenska som andraspråk: i forskning, undervisning och samhälle*, red. Kenneth Hyltenstam and Inger Lindberg [Swedish as a second language: in Research, Teaching and Society, ed. Kenneth Hyltenstam and Inger Lindberg], 2004, s. 389–419.
- Ganuza N. *Syntactic Variation in the Swedish of Adolescents in Multilingual Urban Settings*. Stockholm, Centre for Research on Bilingualism, Stockholm University, 2008, X, 192 p.

- Helgason F. þ. *Ey dela me daj: en studie av invandrarsvenskan i verkligheten och litteraturen* [Ey share me daj: a study of Sweden immigrants in reality and literature]. Reykjavík, 2012.
- Kotsinas U.-B. *Invandrarsvenska* [Immigrant Swedish]. Uppsala, Hallgren & Fallgren, 2005, 264 s.
- Kotsinas U.-B. Rinkebysvenska — en dialekt? [Immigrant Swedish — a dialect?] *Svenskans beskrivning*, 1988, № 16, s. 264–278.
- Löwgren J. *Kodväxling och multi-etniskt ungdomsspråk — form och funktion* [Code-switching and multi-ethnic youth language — form and function]. Göteborg, 2009.
- Quist P. Sociolinguistic approaches to multiethnolect: Language variety and stylistic practice. *International Journal of Bilingualism*, 2008, № 1, 2, pp. 43–61.
- Skowronska M. *Khemiriskans knasiga kreativitet — en kartläggning av Jonas Hassen Khemiris artificiella språk i boken 'Montecore — En unik tiger'* [Khemiriskans wacky creativity — a survey of Jonas Hassen Khemiris artificial languages in the book 'Monte Core — A unique tiger']. Stockholm, 2006.
-

Гиренко Мария Александровна

Аспирант кафедры германской и кельтской филологии,
филологический факультет,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1

Maria Girenko

Post-graduate student,
Department of Germanic and Celtic Philology, Faculty of Philology,
Lomonosov Moscow State University.
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
E-mail: maria.girenko@gmail.com